

Жизнь и необычайные приключения писателя Войновича

(рассказанные им самим)

Глава девятнадцатая

Путевка в жизнь

Пятый океан и пятый пункт

Мой приятель, еврей по маме и по папе, утверждает, что государственного антисемитизма на себе не испытал. Ни при поступлении в литературный институт, ни при приеме на работу. Может быть, потому, что его фамилия с окончанием на «ский» звучит для нечуткого уха как польская. А я был по паспорту русским, и фамилия у меня, хоть с окончанием на «ич», но славянская, однако антисемитизм не раз являлся причиной того, что стоило мне чуть-чуть воспарить, как вмешивались силы, опускавшие меня на землю.

В группе людей, обучаемых летному делу, всегда попадают один-два тупицы, начисто лишенных способности определять при посадке расстояние до земли тем природным инструментом, на который указывал Иван Андреевич Лобода. Таким был некто Ходус, который летал плохо, очень плохо, хуже даже Гали Макаровой. В конце концов его из аэроклуба отчислили, но раньше Дудник сказал мне между делом, что, по его мнению, Ходус еврей, чем объясняется его неспособность летать. Услышав это, я промолчал. Я никогда не скрывал, что у меня мама еврейка, и тут, возможно, мне надо было открыть глаза Дуднику, но я смутился — и не открыл.

Шило в мешке таилось недолго. Однажды, придя домой, я застал там Дудника, которого мама поила чаем. Оказалось, он пришел пригласить меня к участию в тех самых областных соревнованиях, на которых я так неудачно выступил. Моя мама говорила с очевидным еврейским акцентом, и Дудник не мог этого не заметить. Не знаю, разочаровало ли Дудника его открытие. Но, приехав на соревнования, я почувствовал, что между нами установилась молчаливая напряженность.

Думаю, Дудник поделился своим открытием с Лободой, который тоже переменял ко мне отношение. Сразу этого я заметить не мог, потому что мое клубное учение закончилось, и мы несколько лет не виделись. Но, служа в армии, я узнал из газет, что Лобода стал чемпионом СССР по планерному спорту, и написал ему письмо с поздравлением. Он не ответил. Прошло десять лет. Я отслужил армию, стал писателем и автором песни, которая нравилась не только космонавтам, но всем летающим людям. Помимо других замыслов, у меня был и тот, который отразился в повести «Два товарища» — о молодом летчике. Я взял в «Новом мире» командировку и отправился в Запорожье в надежде побывать в аэроклубе, поехать вместе с курсантами на аэродром и очень рассчитывая, что мне позволят полетать. Но Лобода, который, несмотря на чемпионство, карьеры не сделал, встретил меня холодно и поднатыся в воздух не разрешил. Представляясь ему, я ничего не сказал про песню о космонавтах, которую он наверняка знал (может быть, он тогда отнесся бы ко мне иначе), но предьявлял ему свое командировочное удостоверение. Уже на пути с аэродрома Лобода спросил меня: «Так ты кем работаешь?» Я сказал, что журналистом, после чего он снова спросил с кривой ух-

ГЕННАДИЙ НОВОЖИЛОВ

Когда много лет спустя в Союзе писателей строгие товарищи по перу, разбирая мое персональное дело, допытывались, неужели в нашей родной, любимой, замечательной Советской армии я видел что-то подобное описанному в «Чонкине», я ответил, что видел и кое-что похлеще

мылкой: «И как тебе удалось туда пролезть?» Я понял, что по его представлению «пролезать» куда-то способны только представители той национальности, к которой он относил и меня, и, наверное, исключал для меня возможность достичь чего-то в жизни непролазным способом.

С неба на землю

Я считался если не самым лучшим, то одним из лучших в нашем аэроклубе и после медкомиссии не сомневался в том, что в школу планеристов прохожу первым номером. И вдруг...

Не помню уже, какую должность занимал тот подполковник в городском военкомате, но его самого помню: высокий, худой, со впалыми щеками и бесцветными рыбьими глазами навывкате. Он мне сказал, что в школу планеристов я не поеду, потому что не прошел медицинскую комиссию.

— Как же не прошел, когда вот здесь написано: «Годен к летной работе»?

— А вот здесь написано, что у вас искривление носовой перегородки.

— Но здесь же написано, что искривление устранено.

— Но оно было, значит, оно может опять появиться.

— Да с чего же оно появится? Оно у меня было, потому что я в детстве с машины упал. Я не собираюсь опять падать с машины.

Подполковник начал играть желваками.

— Я не могу вас отправить, потому что, если вы там не пройдете комиссию, вас вернут обратно, и перевозка вас туда-сюда обойдется государству слишком дорого.

Не могу передать, каким несчастным я вернулся домой. А дома застал своего троюродного дядю Вову Стигорезко. Дядя Вова спросил:

— Ты действительно хочешь летать? Для тебя это, правда, так важно?

Я ответил, что да, очень хочу летать, очень важно.

— Хорошо, — сказал дядя Вова, — завтра пойдем в военкомат вместе.

Назавтра он надел пиджак со всеми своими орденами, а их у него было очень много, и сказал мне:

— Пошли!

Я шел рядом с ним, поглядывал на него сбоку, косился на встречную публику и гордился тем, что у меня такой геройский дядя. Я думал, что перед таким дядей вряд ли кто устоит. На подполковника, однако, дядины ордена не произвели никакого впечатления, его он принял так же злобно, как и меня.

Я не знал, что делать, кому жаловаться и на что. Об истинной причине того, почему я оказался непригодным для школы планеристов, я догадался много лет спустя, когда меня по той же причине не приняли в литинститут. И причиной этой была не перегородка в носу.

Так от земли мне слишком оторваться не пришлось, но для на-

земной солдатской службы я по всем показателям оказался вполне пригоден. 13 сентября 1951 года мне предлагалось явиться на сборный пункт остриженным наголо, имея при себе смену белья, кружку, ложку и приписное свидетельство. Мне предстояло пройти школу жизни и набраться опыта, не нужного людям других занятий, но очень не бесполезного для будущего литератора.

На курорт, пацаны, едем!

Тот рыбоглазый подполковник был из городского военкомата, а в нашем районном были два майора Ермошкин и Ермолаев, похожие друг на друга не только фамилиями, но и лицами. Они знали о моем пристрастии.

— Самое главное попасть в ВВС, — говорил Ермолаев, — а не в пехоту и не в танкисты. В авиацию попадешь, а там и в летчики пробьешься. Напишешь рапорт...

— Если откажут, — подхватил Ермошкин, — напишешь второй, третий...

— Пиши, — закончил Ермолаев, — пока не добьешься своего.

С такими надеждами я и собрался в путь.

Сборным пунктом служил клуб железнодорожников имени неизвестного мне Дробязко. Вернее, не сам клуб, а пустырь перед ним. Люди постарше предупреждали, что, идя в армию, надо надевать на себя что похуже, одежду обратно не отдадут. Сотрудники военкомата такое мнение опровергали, им никто не верил (и справедливо), и сотни собравшихся на пустыре стриженных под ноль мальчишек были похожи на беспризорников из фильма «Путевка в жизнь». Каждый призывник представлял собой ядро группы провожавших его родственников. Меня провожали мама, бабушка Эня Вольфовна и семилетняя сестренка Фаина. Отца почему-то не было, зато был мой друг по ремеслу Толик Лебедь. Толик был склонен к романтическим жестам, и по его идее мы собирались, но не собрались зарыть где-нибудь бутылку шампанского с тем, чтобы распить ее, когда я вернусь. Самого Толика в армию не брали из-за укороченной ноги. Она укоротилась после того, как Толик попал под машину.

Ожидание оказалось многочасовым. Переглядываться с близкими, натужно улыбаться и отводить взгляд — дело мучительное. В какой-то момент мы с Толиком отлучились в пивную. Взяли макароны по-флотски и по кружке пива. Разговаривали о том, о сем, не спеша. Еще и половины не съели, когда подошла нищенка:

— Хлопцы, а це шо? Макароны?

— Макароны.

— А можно я дойм?

Мы отдали ей макароны. Она попробовала, поморщилась, устала на наши кружки.

— Хлопцы, а це шо? Пыво? — как будто это могло быть что-то другое.

— Пыво.

— А можно я допыю?

Мы отдали ей пиво и, злые на самих себя, вышли.

Товарный эшелон уже стоял на путях. Паровоз тяжело пыхтел, а нас все еще не отправляли. Потом построили в длинные шеренги. Вдоль шеренг бегал с мегафоном рыбоглазый, суеулится и выкрикивал что-то злобное. Появились упитанные сержанты — «покупатели»: считалось, что они отбирают солдат в свои части. На самом деле никто

никого не отбирал, нас пересчитали и загнали в вагоны по известной норме: восемь лошадей или сорок человек. После этого поезда еще долго не трогались, а родственники стояли внизу, улыбались, утирали слезы, махали руками.

Наконец, поехали. Куда, старшины помалкивали, но ясно, что в сторону Крыма. Кто-то сострил:

— На курорт, пацаны, едем! Загорать под пальмами будем!

Среди новобранцев было много шпаны. Ехали с открытыми дверями. На одном из переездов кто-то кинул в стрелочника арбуз и сбил с ног. Меткость метателя одобрили дружным хохотом.

Ученье — свет

Ехали всю ночь. До курортов не доехали, остановились в Джанкое. Вокруг не море, не пальмы, а степь: ковыль, солончаки. Нас выгрузили из вагонов, разбили на роты, по сто человек в каждой, построили в колонны и повели через весь город. Колонны заключенных и военнопленных я видел много раз, они выглядели лучше. Военный городок километрах в двух за городом. На аэродроме — американские «аэрокобры» и наши «яки», выглядевшие на фоне «кобр» бедными родственниками. Но самолеты мы будем видеть в Джанкое только издали, здесь мы будем изучать не теорию полета, не аэродинамику и не конструкции самолетов, а уставы, биографию товарища Сталина и устройство винтовки Мосина образца 1898/1930 года. А еще нас научат строиться в две шеренги или в колонну по четыре, стоять спиной, ходить строевым шагом, ползать по-пластунски, наматывать портянки, заправлять постель, сворачивать шинель в скатку, приветствовать командиров и в общении с ними ограничиваться уставным словарем; состоящим из кратких фраз «так точно», «слушаюсь» и «никак нет».

Я еще до армии слышал про какие-то аракчеевские казармы. Теперь узнал, что это такое. Толстенные дома, внутри не разгороженные. Один дом — одна комната, если можно назвать комнатой помещение на двести пятьдесят человек. Ряды трехъярусных коек с узкими проходами между ними, похожие на птицефабрику.

Утром опять повели через весь город в привокзальную баню, там нашу одежду отобрали и выдали форму, которую мне предстояло носить, не снимая, четыре года и два месяца. Штаны, гимнастерки, пилютки, брезентовые ремни с латунными бляхами, подворотнички, асидол для чистки блях и пуговиц, сапоги, белье. Штаны, гимнастерки и пилютки новые, сапоги — б/у, белье — рвань. Рубахи без пуговиц, кальсоны без за-вязок, портянки с дырами...

Много лет спустя в Союзе писателей строгие товарищи по перу, разбирая мое персональное дело, допытывались: неужели в Советской армии я видел что-то подобное описанному в «Чонкине»? Один из «критиков», бывший полковник Брагин, по его словам, сорок лет отдавший нашей родной, любимой, замечательной армии, налил кровью и бился в конвульсиях, когда я ответил, что видел кое-что похлеще.

Реальная армейская жизнь, какой я ее видел, была мало похожа на то, как ее изображали Брагин и его соратники, скорее, была сродни дореволюционной, описанной Куприным. Но со всеми особенностями советского времени.

Продолжение следует

Ваше имя: *Ваше имя*
8.07.05.